

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОСТИ В ДИСКУРСЕ ЦИФРОВОЙ ЭКСПАНСИИ

Е.В. Сальников¹, И. Н. Сальникова²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
адрес: 302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

²Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
302026, Россия, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95

Поступила
в редакцию
29.02.2025

Поступила
после
рецензирования
16.04.2025

Принята
к публикации
14.06.2025

Аннотация. В статье с философских позиций анализируется проблема цифрового разрыва как одна из наиболее актуальных проблем формирования инклюзивного пространства в сфере цифровых информационных технологий. Авторы полагают, что в основе проблемы преодоления цифрового разрыва лежит философский вопрос о допустимости и оправданности цифровой экспансии. Методология статьи основана на теоретической базе постколониализма, который предполагает постмодернистскую деконструкцию дискурса цифровой экспансии как способа преодоления цифрового разрыва.

В статье дана общая характеристика цифровому разрыву, уточнены наиболее значимые последствия цифрового разрыва для экономики, образования, здравоохранения, политической и социальной сфер. Авторы раскрывают внутреннюю логику дискурса цифровой экспансии, которая приводит, по их мнению, к цифровому колониализму. Авторы опровергают положение о соотнесенности цифровой экспансии с аксиологическим максимумом истины и познания мира. Авторы демонстрируют значительное количество примеров, раскрывающих эксплуататорские мотивы внедрения цифровых технологий, заведомо использующих цифровой разрыв для получения прибыли. В статье уточнена специфика цифрового колониализма и продемонстрировано, что он не позволяет достичь инклюзии в сфере цифровых технологий, но снимает цифровой разрыв через унификацию и утрату уникальности, субъектности. Альтернативу цифровой экспансии авторы видят в цифровом суверенитете.

Ключевые слова.

Инклюзия, цифровой разрыв, цифровой колониализм, цифровая экспансия, цифровой суверенитет.

Для цит.: Сальников Е.В., Сальникова Е.Н. Цифровой разрыв и проблемы обеспечения инклюзивности в дискурсе цифровой экспансии// Человек. Общество. Инклюзия. – 2025. – Том 16. – №2. – С.78-90. <https://doi.org/10.65313/2025.02.06>. EDN: LKEPLT

**THE DIGITAL DIVIDE AND THE CHALLENGES OF ENSURING INCLUSIVITY
IN THE DISCOURSE OF DIGITAL EXPANSION****E.V. Salnikov¹ , I. N. Salnikova² **¹ Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

address: 2, Ignatova Street, Orel, 302027, Russia

² Turgenev Orel State University,

address: 95, Komsomolskaya Street, Orel, 2302026, Russia

Received
29.02.2025Revised
16.04.2025Accepted
14.06.2025

Abstract. The article analyzes the problem of the digital divide from a philosophical point of view as one of the most pressing problems of the formation of an inclusive space in the field of digital information technologies. The authors believe that the problem of bridging the digital divide is based on the philosophical question of the permissibility and justification of digital expansion. The methodology of the article is based on the theoretical basis of postcolonialism, which assumes a postmodern deconstruction of the discourse of digital expansion as a way to bridge the digital divide.

The article provides a general description of the digital divide, clarifies the most significant consequences of the digital divide for the economy, education, healthcare, political and social spheres. The authors reveal the internal logic of the discourse of digital expansion, which leads, in their opinion, to digital colonialism. The authors refute the position that digital expansion is correlated with the axiological maximum of truth and knowledge of the world. The authors demonstrate a significant number of examples that reveal the exploitative motives for the introduction of digital technologies that deliberately use the digital divide to make a profit. The article clarifies the specifics of digital colonialism and demonstrates that it does not allow for inclusion in the field of digital technologies, but removes the digital divide through unification and loss of uniqueness and subjectivity. The authors see digital sovereignty as an alternative to digital expansion.

Keywords. Inclusion, digital divide, digital colonialism, digital expansion, digital sovereignty.

For citations: Salnikov E.V., Salnikova I. N. (2025) The digital divide and the challenges of ensuring inclusivity in the discourse of digital expansion . *Human. Society. Inclusion.* Vol. 16, no. 2, P. 78-90.
<https://doi.org/10.65313/2025.02.06>. EDN LKEPLT

© Salnikov E.V., Salnikova I. N., 2025

Введение

Цифровой разрыв является одной из наиболее значимых тем в современных исследованиях инклюзивности и охватывает собой не только непосредственно неравенство, связанное с доступом и использованием цифровых устройств и технологий, но в большей степени реальные последствия этого дисбаланса.

Быстрые темпы цифрового развития привели к появлению беспрецедентных технологических инноваций, таких как развертывание сетей 5G, достижения в области искусственного интеллекта, широкое внедрение облачных технологий, блокчейна и некоторых других. Цифровизация социальной, политической и экономической сфер нашего общества, воплотившаяся в широком применении цифровых технологий для выполнения большого спектра действий, многие из которых ранее были недоступны человечеству, породила революционные преобразования. Одновременно этот технологический скачок стал источником ряда новых, эволюционирующих по мере развития самих технологий, вызовов на пути инклюзивного использования полученных технологий. Широкополосные сети, цифровые (информационные) платформы и интеллектуальные устройства произвели революцию в современной жизни, но они также породили новые формы неравенства. Как высказался еще десятилетие назад один из теоретиков четвертой технологической революции К. Шваб: «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [Шваб, 2016, 47].

Методы и материалы

Представляется, что в основе широкого спектра социальных, политических, экономических, культурных, образовательных и других проблем, порожденных цифровым разрывом и требующих своего изучения специалистами соответствующих научных отраслей, лежит философская проблема обоснования допустимости цифровой экспансии перед лицом усугубляющегося цифрового неравенства и утраты инклюзивности. Можем ли мы пренебречь текущим и углубляющимся цифровым разрывом для достижения целей цифровой экспансии, открывающей новые горизонты. Не является ли цифровая экспансия в условиях цифрового разрыва формой прогрессорства, предельным негативным выражением которого выступает цифровой колониализм? Последний отнюдь не сводится только и исключительно к «использованию цифровых технологий для политического и социально-экономического доминирования над другими нациями и территориями» [Васильев, 2022, 64], хотя такая угроза на уровне контроля над данными населения уже сама по себе очень опасна. Цифровой колониализм как предел цифровой экспансии представляет собой насаждение образа мысли, бытия, познания, *modus operandi* человека в мире.

С этих позиций целью данного исследования является критическое осмысление дискурса, в рамках которого цифровое неравенство одновременно порождается и в перспективе снимается цифровой экспансией. Достижение данной цели потребует последовательного решения ряда задач исследования, а именно: сущностной характеристики цифрового разрыва, его причин и последствий, и, наконец, рассмотрение цифрового колониализма как предельно негативного последствия цифрового разрыва.

Методологией данного исследования являются прежде всего постмодернистские концепции колониализма, теоретически представлены в ставших уже классическими работах М. Фуко (Фуко, 2004; Фуко, 1994), Э. Саида (Сайд, 2012; Сайд, 2006) и в определённой мере Ф. Фанона (Фанон, 2022) а также методологические подходы современных представителей западной постколониальной теории, таких М. Квет (Kwet, 2019), В. Миньоло (Mignolo, 2018) и ряд других. Исследование также опирается на методологию системного анализа, использует общелогические и компаративистские методы.

Результаты и обсуждение

Хотя отдельные учёные, например, Б. Ачария [Acharaya, 2017, 44], считают, что исследования в области информационного неравенства выступают предшественниками изучения цифрового разрыва, непосредственно сам термин «цифровой разрыв» появляется в 1990-е годы. Первоначально «цифровой разрыв» определялся как разрыв между различными группами населения в отношении использования цифровых технологий. Исследования того периода были сосредоточены преимущественно на физических различиях - доступности оборудования и высокоскоростных соединений и предполагали прежде всего сравнение доступности интернета в городах и сельской местности или между различными странами, регионами мира.

Частично подобный подход сохранился и в наши дни. В рамках него фиксируется различие в доступности именно физической возможности пользования цифровыми технологиями (наличие сетей, их характер, стоимость цифровых устройств и т.п.) для различных групп, перечень которых сегодня значительно шире. Так, например, следует отметить исследования цифрового разрыва применительно к женщинам (Dixon, 2014; Fung, 2025), мигрантам (Alam, 2015; Cobo, 2023) демографическим группам (Haught, 2014; Olphert, 2013) и широкий ряд других работ.

Однако со временем понятие «цифровой разрыв» включило в себя большее количество аспектов, перенося акцент на цифровые возможности, технологическую доступность и качество цифровой инфраструктуры. Такое расширение было вызвано прежде всего тем очевидным фактом, что «физический доступ только половина картины: без соответствующих навыков и знаний, связанных с контекстом, цифровой капитал остается недостаточно использованным, поэтому социально-экономический дисбаланс сохраняется» [Sanders, 2021, 153]. В результате, если ранние исследования измеряли доступ в общих чертах путем количественной оценки устройств или скорости соединения, то после широкой цифровизации общественных отношений в начале XXI века исследователи проблем цифрового разрыва начали обращать преимущественное внимание на такие аспекты как цифровая грамотность, способность эффективно использовать цифровые инструменты, социально-экономические ограничения и культурные контексты, влияющие на использование цифровых технологий. Речь идет не только о наличии или отсутствии технологий, но и о неравенстве в навыках и умениях эффективно использовать эти технологии (Van Dijk, 2020).

Именно способность эффективно использовать цифровые инструменты, является наиболее важным аспектом цифрового разрыва. Простого предоставления доступа к технологиям недостаточно, если людям не хватает навыков для их продуктивного использования. Цифровая грамотность включает в себя целый ряд навыков, от базовых задач, таких как использование клавиатуры и мыши, до более сложных действий, таких как создание цифрового контента и участие в онлайн-сотрудничестве. Как мы увидим ниже, именно цифровая грамотность позволяет полноценно преодолеть цифровой разрыв, тогда как простое предоставление физических возможностей зачастую ведет к его углублению.

Таким образом, в наши дни термин цифровой разрыв означает «разрыв между отдельными лицами, домашними хозяйствами, организациями и географическими регионами, находящимися в разном социально-экономическом положении с точки зрения их возможностей доступа к информационно-коммуникационным технологиям и использованию сети Интернет для широкого видового спектра деятельности и целей» [Айрапетян, 2021, 2280]. Этот разрыв является критической проблемой в современном мире, где доступ к цифровым технологиям все чаще становится необходимым условием для полноценного участия в экономической, социальной и политической жизни.

Наметим отдельные наиболее значимые последствия цифрового разрыва для некоторых сфер общественных отношений. Так, в экономической сфере доступ к цифровым технологиям и Интернету становится все более важным для полноценной активности. Работа во многих секторах требует навыков использования цифровых технологий, а способность искать работу, подавать заявки на работу и даже работать удаленно часто зависит от доступа в Интернет. По оценкам исследователей, преодоление цифрового разрыва может увеличить мировой ВВП на 2 трлн. долларов, что подчеркивает значительные экономические выгоды от обеспечения более широкого доступа к цифровым технологиям [Baraka, 2024, 34].

Образование - одна из областей, наиболее сильно затронутых цифровым разрывом. Цифровые образовательные технологии и образовательные ресурсы сети интернет выступают в наши дни одним из значимых направлений развития образования. Создание и размещение онлайн учебных материалов, виртуальные классы, дистанционное обучение – неравномерный доступ к этим и другим возможностям существенно сдерживает образовательный потенциал сообществ. Во время пандемии COVID 19 переход к онлайн-обучению выяснил это неравенство: многие учащиеся не смогли полноценно участвовать в дистанционном образовании из-за отсутствия технических устройств (ноутбук/компьютер) или доступа в Интернет, а также в силу отсутствия психологической готовности и несформированности необходимых навыков работы с цифровыми инструментами. Причем цифровой разрыв в указанных и иных аспектах касался не только обучающихся, но и педагогов. Этот цифровой разрыв в образовании влияет не только на текущее обучение, но также имеет долгосрочные последствия для будущих возможностей и социальной мобильности.

Сектор здравоохранения также серьезно страдает от цифрового разрыва. Услуги телемедицины, которые становятся все более важными, требуют надежного доступа в Интернет и цифровой грамотности. Те, у кого нет этих ресурсов, не могут воспользоваться всем спектром цифрового инструментария современной медицины, что усугубляет неравенство в обеспечении здоровья населения.

Цифровой разрыв также влияет на характер политического участия и социально активную позицию. Доступ к цифровым технологиям позволяет отдельным лицам заниматься социальной и политической деятельностью от участия в онлайн-сообществах до доступа к государственным услугам. Не имея доступа, маргинализированные группы имеют меньше возможностей участвовать в гражданской жизни и отстаивать свои права. Такое отсутствие доступа и участия может привести к ощущению исключенности и бесправия, усиливая социальное и политическое неравенство.

Эти и другие следствия объективно показывают необходимость преодоления цифрового разрыва. Собственно говоря, задача преодоления цифрового разрыва никем не ставится под сомнение, интерес вызывает то какими средствами будет это достигаться, и какие результаты можно будет считать действительными показателями преодоления цифрового разрыва.

Здесь следует отметить, что подавляющее большинство экономистов, политиков, общественных деятелей и представителей научно-технической сферы убеждены, что преодоление цифрового разрыва – это не просто технологическая задача, это социальный и экономический императив. Его решением должна стать активная цифровая экспансия. Цифровой разрыв видится как издержка, недостаток быстрого развития цифровых технологий, который должен быть устранен, но задача по его устранению не должна останавливать прогресс самих технологий. Более того именно развитие самих технологий способно привести к преодолению цифрового разрыва.

Как характеризует эту позицию британский исследователь А. Эйтувол (Anjan

Hatuwal), большинство людей, выступающих за быстрый цифровой прогресс, полагают, что «технический прогресс способствует экономическому росту, повышает мировую конкурентоспособность, и подстегивает социальные преобразования. Обычно здесь используется теория «просачивания»; она утверждает, что инвестиции в цифровую инфраструктуру, такую как сети 5G, возможности искусственного интеллекта и экосистемы Интернета вещей, в конечном итоге будут иметь широкомасштабный экономический эффект, который распространится на менее развитые части мира» [Hatuwal, 2025, 76-77].

Дискурс, выражающий озвученный подход, кажется прост и понятен: давайте доведем технологическое развитие до тех пределов, которые видятся нам возможными, а полученные в результате этого блага приведут к устраниению тех издержек – цифрового разрыва, который образовался по мере внедрения технологии. При этом сторонники данной позиции указывают на то, что именно полученные блага и экономические выгоды предоставят человечеству те ресурсы и средства, которые оно сможет использовать для решения проблемы цифрового разрыва, а вместе с ней и широкого спектра других проблем. Важно продолжить цифровую экспансию, развивать цифровые технологии, открывать новые горизонты и на определённом этапе достигнутые преимущества позволят человечеству решить отложенные проблемы.

Следует подчеркнуть, что аксиологическим фундаментом представленного дискурса выступает не подвергаемая сомнения ценность научного познания. Цифровая экспансия представляется элементом развития науки как человеческого достижения объективного знания о мире. Наука трактуется как несомненное благо, которое путем познания скрытых законов окружающего мира предоставит в руки человечества инструменты, позволяющие ему сделать мир лучше, решить имеющиеся проблемы. Противники цифровой экспансии в этом случае оказываются ретроградами, теми, кто выступает против знания, не желает познавать мир и стоит на стороне невежества. В ценностном плане дискурс цифровой экспансии противопоставляет истину, к которой стремится прогресс цифровых технологий, невежеству и заблуждениям.

Однако в силу ряда фактов есть сомнения в том, что логика дискурса цифровой экспансии действительно строится на основе противопоставления истина – невежество. Так, исследователи указывают, что целый ряд проектов технологических корпораций использует технологический разрыв для того, чтобы «тестировать новые цифровые технологии в маргинальных сообществах» [Ajana, 2020, 72]. По сути, утверждают Ричи и Фейерсков (Richey and Fejerskov), «технологии во благо часто скрывают эксплуататорскую практику технологических компаний на глобальном Юге с помощью стратегий корпоративной социальной ответственности и перформативного альтруизма, которые, усиливают неравенство вместо того, чтобы осмысленно его устранять» [Richey, 2024, 64].

Х. Лопес-Солано и Х. Кастанеда утверждают, что некоторые компании, разрабатывающие цифровые системы идентификации личности, предоставляют их для использования подконтрольным правительствам стран постколониального мира с целью тестирования на гражданах (Lopez-Solano, 2024). По результатам изучения инициатив технологических корпораций по внедрению цифрового удостоверения личности исследователь Копенгагенского университета К.Л. Якобсен категорично заявила, что подобные проекты рискуют превратить уязвимые африканские страны в живые лаборатории, где значительная часть населения может стать объектами тестирования (Jacobsen, 2021). Исследования проблем цифровой экспансии содержат значительное количество негативных примеров в части использования цифровых данных и цифровых технологий для слежения, нарушения права на личную жизнь, распространения недостоверной информации, утечки данных, их не-

правомерном использовании и аналогичные случаи (Masiero, 2021; Weitzberg, 2021). Все они касаются стран, регионов, социальных групп, находящихся по ту сторону цифрового разрыва.

Группа британских учёных приводит примечательный пример разработки проекта цифровой идентификации в 2019-2021 годах в Кении, когда тысячи людей выстроились в очередь, чтобы получить 25 цифровых токенов (эквивалентно примерно 50 долларам США) в обмен на снимки их радужной оболочки глаза. Исследователи задаются вопросом, «понимали ли люди, которые предложили свои биометрические данные в обмен на токены, последствия регистрации, и то, какие шаги им необходимо предпринять после передачи своих данных» [Jain, 2024, 68]. Вопрос этот следует продолжить и сформулировать в форме: понимала ли корпорация, что в силу цифрового разрыва люди, передающие цифровые данные для исследования технологий, заведомо не могут отдавать себе полный отчет в совершаемых действиях? Есть все основания полагать, что корпорация не просто осознавала этот факт, но и намеренно проводила данные исследования в регионе цифрового разрыва, воспринимая его как пространство цифровой колонии и просто эксплуатируя его жителей

Аналогичного рода примеры, когда дискурс цифровой экспансии из плоскости науки и истины перемещается в плоскость экономики и прибыли, можно привести в достаточном количестве. Примечательно, что наряду с открытыми формами эксплуататорского использования цифровых данных, исследователи приводят примеры скрытой колонизации. Речь идет о случаях, когда механизмы эксплуатации скрываются под личиной программ преодоления цифрового разрыва и повышения цифровой грамотности. С этих позиций, например, программы обучения цифровой грамотности, реализуемые на «Глобальном Юге», есть не что иное, как программы обучения ассимиляции с цифровыми продуктами транснациональных корпораций Постиндустриального Севера, в результате чего увековечивается «modus operandi» - способ обращения с цифровыми продуктами.

Следует отдавать себе отчёт, что в ситуации, когда социальная сеть или мессенджер предлагается как постоянно доступный цифровой инструмент даже при нулевом балансе, то речь идет не столько о преодолении цифрового разрыва путем предоставления цифровых инструментов малообеспеченным группам населения, но одновременно о колонизации этих групп цифровой технологической (информационной) платформой путем получения монопольного доступа к их цифровым данным.

Следует понимать, что отличием цифрового колониализма XXI века от его предшествующих форм выступают два важнейших положения. Первое, целью колонизации выступает не получение физических богатств в форме золота или углеводородов. Главным богатством для цифрового капитализма выступают цифровые данные. Цифровизация переводит человека в абстрактную форму цифровых данных, а владение этими цифровыми данными составляет основу для системы эксплуатации.

Второе отличие заключается в том, что субъектами колонизации выступают не национальные государства модерного типа, а цифровые технологические (информационные) платформы, находящиеся в частных руках владельцев технологических корпораций. В силу этого обстоятельства колонизация осуществляется прежде всего в тех формах, на которые обращают внимание постколониальные исследования.

Речь идет о том, что равным образом тому, как, по убедительному доказательству Э. Саида, «Восток – это почти всецело европейское изобретение», применительно к которому «казалось совершенно неуместным, что у восточных людей в ходе этого процесса могут быть какие-то собственные интересы» [Сайд, 2006, 7],

технологические корпорации создают способы видения и понимания мира, способы пребывания в мире и пространство интересов, сам способ познания и формы выражения познанного, представляя их в качестве единственно возможного, универсального и общечеловеческого. Цифровые технологические платформы также создают человека, как Запад, по мнению Э. Саида, создал Восток, и благодаря этому осознал себя как Запад.

Цифровой колониализм проявляется в колониальности власти, знания и бытия. Колониальность власти есть осознание нерушимости, естественности иерархии и отношений господства и подчинения. Именно цифровой разрыв делает колониальность власти тотальной. Пользователь не владеет технологической платформой, и потому он всегда принужден соглашаться с «Условиями пользования». В противном случае он будет исключен из пространства пользования цифровыми продуктами. Эта ситуация тождественна контактами европейцев XVI-XVIII веков с туземным населением, когда преимущество в военных технологиях было настолько велико, что вопрос о согласии с «условиями пользования» становился формальностью.

Колониальность знания проявляется в монополизации способа познания мира и выражения познанного. У М. Фуко этот способ предстает в понятии эпистемы – способа постижения мира, задаваемого не миром или истиной, а дискурсом власти, в нашем случае колониальной власти технологических корпораций. Банальным, но очень показательным примером выступает Википедия, которая предлагает не знание само по себе, но знание, вплетенное в политический дискурс власти.

Цифровая колониальность бытия проявляется в том, что цифровые продукты задают способ существования человека. Цифровые технологические платформы задают пространство цифровой идентичности, влияют на то, как люди определяют самих себя, как взаимодействуют с миром, другими людьми, строят социальные отношения. Ярким примером описываемого выступает тотальность компьютерных игр, в которых не просто имитируется, но во многом задается бытие человека и тот социальный мир, в котором он существует.

В конечном итоге угроза цифрового колониализма является столь значимой в силу того, что дискурс цифровой экспансии, решающей проблему цифрового разрыва и иные издержки цифровизации через достижение высоких результатов, основывается на отказе человеку в субъектности. Цифровой разрыв выступает основанием для того, чтобы оправдать отказ от индивидуального мира. Цифровой колониализм под предлогом достижения благих целей цифровой экспансии, по сути, отменяет само понятие инклюзивности. Эта ситуация тождественна эпохе начала завоеваний испанскими конкистадорами Центральной Америки, когда ацтеки, инки и прочие народы обращались в подданных Священной Римской Империи, под руководством Карла V, и именно будущие блага и прежде всего спасение души вполне оправдывало отказ от собственной уникальности, уничтожение этой уникальности ради получения благ цивилизации. Аналогичным образом технологические цифровые (информационные) платформы для вхождения пользователей в семью цифровой цивилизации предлагают преодолеть цифровой разрыв не путем подлинной инклюзивности – сохранения уникальности и учёта прав этих пользователей, но путем унификации и формирования единого пространства новой колониальности через цифровую экспанию.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в основе дискурса преодоления цифрового разрыва через цифровую экспанию лежит колониальная логика. Цифровая экспансия не решает проблему инклюзивности и преодоления цифрового разрыва, но снимает их через унификацию и формирование пространства нового цифрового колониализма. Цифровая экспансия оказывается связанной в большей степени не с истиной и познанием, но с экономикой и прибылью, а по-

тому технологические компании, рассматривая человека как совокупность цифровых данных, обладание которыми создает главное богатство в цифровом мире, стремятся к унификации, монопольному обладанию данными и превращению пользователей в неких «облачных крепостных». (Варуфакис)

В этой связи становится очевидным, что преодоление цифрового разрыва и достижение инклюзивности в цифровой сфере должно строится на принципах, противоположных цифровому колониализму, к которому ведет цифровая экспансия. Таким противоположным принципом выступает цифровой суверенитет. В отличие от дискурса цифровой экспансии, цифровой суверенитет также предполагает развитие цифровых технологий, но не воспринимает цифровой прогресс как единую линию. Цифровой суверенитет выводит развитие цифровых технологий из аксиологического пространства истины и познания. Цифровой суверенитет полагает, что не разработка новых цифровых технологий сама по себе является благом, но такая разработка цифровых технологий, в результате которой регион, государство, некий социум окажется способен сохранить и развить свою уникальность. Цифровой суверенитет предполагает сегментацию единого цифрового пространства, что несомненно снизит скорость разработки и внедрения цифровых инноваций, но именно цифровой суверенитет позволит достичь подлинную инклюзивности и попытаться преодолеть цифровой разрыв без утраты субъектности и перехода в колониальный статус.

В этой связи совершенно очевидной становится оправданность усилий ряда стран (в том числе и прежде всего Российской Федерации (Зевелева, 2024)) по разработке собственных цифровых продуктов и ограничению деятельности транснациональных цифровых технологических (информационных) платформ в пределах своей юрисдикции. Создание суперсервиса «Государственные услуги», разработка собственного мессенджера, видеохостинга, алгоритмов искусственного интеллекта в России, запуск программы «Digital India» и другие мероприятия по обеспечению цифрового суверенитета в Индии, не говоря уже об опыте Китайской Народной Республики по созданию и продвижению суверенной цифровой политики есть яркие примеры попыток противодействия цифровой колонизации. Дискурс цифровой экспансии создает лишь видимость грядущего устраниния цифрового разрыва и достижения инклюзивности. Напротив, цифровой суверенитет уже в исходной своей точке утверждает инклюзивность цифровой сферы. Сохранение уникальности и многообразия неминуемо ведет к сегментации, которую следует рассматривать не как ограничение прав пользователей на цифровые продукты, но как возможность избежать цифровой колонизации.

Список литературы:

1. Айрапетян Д.А., Черкасова Т.П. Цифровой разрыв современного социума в международно-политическом измерении. //Инновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 2279-2289. EDN: PTHIXZ
2. Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму. США & Канада: экономика, политика, культура, 2022, 52(5). С. 50-67. DOI: 10.31857/S2686673022050042 EDN: GQSENN
3. Зевелева Е.А., Коクунов К.А. Информационный суверенитет России в эпоху цифровых технологий. //Человек. Общество. Инклюзия. 2024. № 2. С. 89-96. EDN: KNWNRZ
4. Сайд Э. Культура и империализм. - СПб.: Издательство "Владимир Даль", 2012. 734 с.
5. Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. - СПб.: "Русский Миръ", 2006. 637 с.

6. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. - М.: Музей современного искусства "Гараж", 2022. 223 с.
7. Фуко М. Археология знания. - СПб.: ИЦ "Гуманитарная Академия"; Университетская книга, 2004 416 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб., А-сад, 1994. - 407 с.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. - М.: АНО ДПО "Корпоративный университет Сбербанка", 2016. EDN: VUJSVF
10. Acharya B. B. Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature. //Journal of Russian Media and Journalism Studies, 2017. № 7. pp. 41-74. EDN: YRDNON
11. Ajana, B.. Biometric datafication in governmental and personal spheres. In N. Lushetich (Ed.), Big data-A new medium?. - Routledge, 2020. pp. 63-79.
12. Alam, K., Imran, S.. The Digital Divide and Social Inclusion Among Refugee Migrants. //Information Technology & People. 2015. Vol. 28(2). pp. 344-365.
13. Baraka K. Digital Divide and Social Inequality. // International Journal of Humanity and Social Sciences. 2024.Vol. 3, Issue No. 3, pp. 30 - 45. DOI: 10.47941/ijhss.2083 EDN: RQBCZO
14. Cobo M. O., & Levano, R. I. J. Gender digital divide in migratory contexts: The case of Peruvian migrant women in Italy and Spain. The Journal of Education, Culture, and Society, 2023. Vol. 14(1), pp. 575-596. DOI: 10.15503/jecs2023.1.575.596 EDN: FFVJRM
15. Dixon L. J., et al. Gendered Space: The Digital Divide Between Male and Female Users in Internet Public Access Sites. //Journal of Computer-Mediated Communication. 2014. Vol. 19(4). pp. 991-1009.
16. Fung K.K., et al. A Systematic Review of the Digital Divide Experienced by Migrant Women. // Journal of International Migration and Integration. 2025. № 1. DOI: 10.1007/s12134-024-01222-0 EDN: FZCVAD
17. Haight, M., Quan-Haase, A., Corbett, B. A. Revisiting the Digital Divide in Canada: The Impact of Demographic Factors on Access to the Internet, Level of Online Activity, and Social Networking Site Usage. //Information, Communication & Society. 2014. Vol. 17(4). pp. 503-519.
18. Hatuwal A. Bridging Progress and Parity: A Critical Review of Digital Development and the Global Digital Divide. // International Journal of Social Science Research and Review. 2025, Vol. 8, Issue 6, pp. 74-85. DOI: 10.47814/ijssrr.v8i6.2654 EDN: LWSUCA
19. Jacobsen, K. L. Biometric data flows and unintended consequences of counter-terrorism. //International Review of the Red Cross, 2021. Vol. 103, pp. 619-652. DOI: 10.1017/s1816383121000928 EDN: LCDIXO
20. Jain, S., Spelliscy, C., Vance-Law, S., & Moore, S. AI And democracy's digital identity crisis. Stanford Journal of Blockchain Law & Policy, 2024. Vol. 7(1), pp. 56-75.
21. Kwet M. Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South. // Race & Class, 2019, Vol. 60(4), pp. 3-26.
22. Lopez-Solano, J., & Castañeda, J. D. 'A promising playground': IDEMIA and the digital ID infrastructure in Colombia. //Information, Communication & Society, 2024. Vol. 27(15), pp. 2669-2685.
23. Masiero, S., & Arvidsson, V. Degenerative outcomes of digital identity platforms for development. //Information Systems Journal, 2021. Vol. 31(6), pp. 903-928. DOI: 10.1111/isj.12351 EDN: FJRRGH
24. Mignolo W., Walsh C. On Decoloniality: concepts, analytics, praxis. - Durham: Duke University Press, 2018.

25. Olphert, W., Damodaran, L. Older People and Digital Disengagement: A Fourth Digital Divide? //Gerontology. 2013. Vol. 59(6). pp. 564-70.
26. Richey, L. A., & Fejerskov, A. M. The perils of 'tech for good' lie in its politics of helping. //Big Data & Society, 2024. Vol. 11(4). pp.47-81.
27. Sanders, M., Scanlon, D. Digital Literacy and the Modern Divide: A Comprehensive Study. //Journal of Digital Society, 2021. Vol. 8(2), pp. 150-171
28. Van Dijk J.. The digital divide. - Amsterdam, Polity Press, 2020. 327 p.
29. Weitzberg, K., Cheesman, M., Martin, A., & Schoemaker, E. Between surveillance and recognition: Rethinking digital identity in aid. //Big Data and Society, 2021. Vol. 8(1). pp. 117-136. DOI: 10.1177/20539517211006744 EDN: SLDKLS

References:

1. Airapetyan, D.A. and Cherkasova, T.P. (2021) Digital Divide of Modern Society in the International Political Dimension. *Innovations. Science. Education.* no. 47. pp. 2279-2289. EDN: PTHIXZ
2. Vasiliev V.S. (2022) USA: Towards Digital Imperialism. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, 52(5). pp. 50-67. DOI: 10.31857/S2686673022050042 EDN: GQSENN
3. Zeveleva E.A., Kokunov K.A.(2024) Information Sovereignty of Russia in the Digital Age. *Man. Society. Inclusion.* no. 2. pp. 89-96. EDN: KNWNRZ
4. Said E. (2012) *Culture and Imperialism*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publishing House, 734 p.
5. Said E. (2006) *Orientalism. Western Concepts of the East*. St. Petersburg: Russkiy Mir, 637 p.
6. Fanon F. (2022) Black Skin, White Masks. - Moscow: Garage Museum of Contemporary Art, 223 p.
7. Foucault M. (2004) Archaeology of Knowledge. - St. Petersburg: IC "Humanitarian Academy"; University Book,. 416 p.
8. Foucault M. (1994) Words and Things. Archaeology of the Humanities. - St. Petersburg, A-cad, 407 p.
9. Schwab, K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: ANO DPO "Sberbank Corporate University," EDN: VUJSVF
10. Acharya, B. B. (2017) Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature. *Journal of Russian Media and Journalism Studies*, no. 7, pp. 41-74. EDN: YRDNOD
11. Ajana, B. (2020) Biometric datafication in governmental and personal spheres." In N. Lushetich (Ed.), Big data—A new medium? Routledge, pp. 63-79.
12. Alam, K., Imran, S. (2015) The Digital Divide and Social Inclusion Among Refugee Migrants. *Information Technology & People*, Vol. 28(2), pp. 344-365.
13. Baraka K. (2024) Digital Divide and Social Inequality. *International Journal of Humanity and Social Sciences*.Vol. 3, Issue no. 3, pp. 30 - 45. DOI: 10.47941/ijhss.2083 EDN: RQBCZO
14. Cobo M. O., & Levano, R. I. J. (2023) Gender digital divide in migratory contexts: The case of Peruvian migrant women in Italy and Spain. *The Journal of Education, Culture, and Society*, Vol. 14(1), pp. 575-596. DOI: 10.15503/jecs2023.1.575.596 EDN: FFVJRM
15. Dixon L. J., et al. (2014) Gendered Space: The Digital Divide Between Male and Female Users on the Internet Public Access Sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 19(4). pp. 991-1009.

16. Fung K.K., et al. (2025) A Systematic Review of the Digital Divide Experience by Migrant Women. *Journal of International Migration and Integration.* no. 1. DOI: 10.1007/s12134-024-01222-0 EDN: FZCVAD
17. Haight, M., Quan-Haase, A., Corbett, B. A. (2014) Revisiting the Digital Divide in Canada: The Impact of Demographic Factors on Access to the Internet, Level of Online Activity, and Social Networking Site Usage. *Information, Communication & Society.* Vol. 17(4). pp. 503-519.
18. Hatuwal A. (2025) Bridging Progress and Parity: A Critical Review of Digital Development and the Global Digital Divide. *International Journal of Social Science Research and Review.* Vol. 8, Issue 6, pp. 74-85. DOI: 10.47814/ijssrr.v8i6.2654 EDN: LWSUCA.
19. Jacobsen, K. L. (2021) Biometric data flows and unintended consequences of counterterrorism. *International Review of the Red Cross.* Vol. 103, pp. 619-652. DOI: 10.1017/s1816383121000928 EDN: LCDIXO.
20. Jain, S., Spelliscy, C., Vance-Law, S., & Moore, S. (2024) AI And democracy's digital identity crisis. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy,* Vol. 7(1), pp. 56-75.
21. Kwet M. (2019) Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South. *Race & Class,* Vol. 60(4), pp. 3-26.
22. Lopez-Solano, J., & Castañeda, J. D. (2024) A promising playground': IDEMIA and the digital ID infrastruc turing in Colombia. *Information, Communication & Society.* Vol. 27(15), pp. 2669-2685.
23. Masiero, S., & Arvidsson, V. (2021) Degenerative outcomes of digital identity platforms for development. *Information Systems Journal.* Vol. 31(6), pp. 903-928. DOI: 10.1111/isj.12351 EDN: FJRRGH.
24. Mignolo W., Walsh C. (2018) On Decoloniality: concepts, analytics, praxis. Durham: Duke University Press.
25. Olphert, W., Damodaran, L. (2013) Older People and Digital Disengagement: A Fourth Digital Divide? *Gerontology.* Vol. 59(6). pp. 564-70.
26. Richey, L. A., & Fejerskov, A. M. (2024) The perils of 'tech for good' lie in its politics of helping. *Big Data & Society,* Vol. 11(4). pp.47-81.
27. Sanders, M., Scanlon, D. (2021) Digital Literacy and the Modern Divide: A Comprehensive Study. *Journal of Digital Society,* Vol. 8(2), pp. 150-171
28. Van Dijk J.. (2020) The digital divide. - Amsterdam, Polity Press, 327 p.
29. Weitzberg, K., Cheesman, M., Martin, A., & Schoemaker, E. (2021) Between surveillance and recognition: Rethinking digital identity in aid. *Big Data and Society.* Vol. 8(1). pp. 117-136. DOI: 10.1177/20539517211006744. EDN: SLDKLS.

Сведения об авторах:

Сальников Евгений Вячеславович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru, SPIN: 9435-0940, AuthorID: 428441, ORCID <https://orcid.org/0009-0005-9984-2981>.

Сальникова Инна Николаевна, старший преподаватель кафедры сервиса, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, SPIN-код: 8645-8636, AuthorID: 776372, <https://orcid.org/0000-0002-4048-7402>.

About the authors:

Evgeniy V. Salnikov, Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Chief of chair of social-gumanitarian disciplines at the Orel Law Institute of the Ministerium of Interior, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru, SPIN: 9435-0940, AuthorID: 428441, ORCID <https://orcid.org/0009-0005-9984-2981>.

Inna N. Salnikova, Senior Lecturer at the Department of Service. Orel State University named after I. S. Turgenev. SPIN-code: 8645-8636, AuthorID: 776372, <https://orcid.org/0000-0002-4048-7402>.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи. Авторы внесли равный вклад в написание и оформление статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article. Contribution: The authors made an equal contribution to the writing and design of the article.

© Сальников Е.В., Сальникова И.В., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>